

ВЫЧЕГЖАНЕ НА УРАЛЕ И В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (кон. XVI–нач. XVIII вв.)

Добрыднев В.А.

Торговые и военные экспедиции за «Камень», организованные Новгородом и Москвой, деятельность Строгановых в Приуралье свидетельствовали о том интересе, который издавна проявляли жители Русской земли к Сибири. Эти первые контакты дали россиянам общее, пока еще смутное и мифическое, представление о Зауралье и создали предпосылки для дальнейшего освоения этого региона силами государства и населения России. Поход Ермака 1581-1584 гг. и последовавшие за ним военные экспедиции открыли дорогу на восток широким массам россиян. Были в этом потоке и уроженцы Сольвычегодского уезда. В конце XVI – начале XVIII века их можно было встретить среди сибирских служилых людей, промышленников, торговцев, гулящих людей и крестьян.

Выходцы из Поморья за Уралом часто получали прозвище по той местности, откуда они были родом: двинянин, пинежанин, устюжанин и т.д. Иногда это прозвище превращалось в фамилию и передавалось потомкам переселенцев. Нередко характерное «географическое» именование сибиряка в документах является единственным указанием на его родину. Соответственно, за Уралом им присваивались прозвища-фамилии Вычегжанин, Вилежанин, Лузянин и т.п. Сохранение «поморского» прозвища указывало на сохранение мигрантами прежней идентичности, связанной с сохранением памяти о родине предков – Сольвычегодском уезде. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. эта память исчезает, а вместе с ней исчезает и большинство «географических» прозвищ, которые заменяются на отыменные, «профессиональные» или связанные с особенностями характера и внешности новые фамилии[1].

Судя по распространенности в Сибири «поморских» прозвищ-фамилий, здесь были хорошо известны выходцы из Поморья, в том числе и уроженцы Сольвычегодского уезда. Как правило, переселенцы устраивались не в глухой тайге, а в уже заселенной, обжитой местности (острог, деревня), где можно было рассчитывать на поддержку земляков. Можно сказать, что здесь создавалась родная среда, благоприятная для адаптации все новых и новых групп мигрантов[2].

Вначале переселялся глава семьи, затем он перевозил из Поморья своих близких, а потом и дальних родственников. Со временем к этим переселенцам переезжали и другие земляки. Такая практика особенно широко распространилась в конце XVII века, что вызывало беспокойство у сибирских воевод и подьячих Сибирского приказа. Они неоднократно сообщали в своих отписках о сотнях поморцев (в том числе вычегжан), с семьями проехавших в Сибирь[3]. Северян не задерживали, так как они перевозили своих родственников легально. Официальным разрешением на это были проезжие грамоты, выданные им в Тобольске и Тюмени.

Это означает, что их уже считали сибиряками, что они уже успели легализоваться в Сибири. То есть обрести там какой-то (иногда новый) сословный статус: торговых людей, посадских, служилых людей или крестьян[4]. Самые успешные из мигрантов после истечения льготных лет на свой участок, покидали его и начинали осваивать новые земли, не облагаемые податями.

Так, постепенно, расширялись территории сельхозугодий, возникали новые заимки и слободы. При этом освоение сибирских земель шло, в основном, в восточном и южном направлении.

Царское правительство при колонизации Сибири придерживалось принципа сохранения переселенцев в их прежнем сословии и на новом месте. То есть переселяемые за Урал купцы оставались купцами, посадские – посадскими, крестьяне – крестьянами, служилые – служилыми, гулящие и работные люди – гулящими и работными.

Но часто на практике этот принцип не соблюдался и, в зависимости от возникшей необходимости, крестьянин мог стать промышленным, посадским или служилым человеком, дети служилого человека могли стать крестьянами, промышленный человек мог стать крестьянином, посадским, служилым или гулящим человеком и т.д.

Особенно часто власти «закрывали глаза» на социальное происхождение кандидатов в служилые люди[5], поскольку они требовались государству для закрепления в новых землях в первую очередь[6].

Первоначально служилых людей переводили из европейской части страны (в том числе из Поморья), а затем «верстали» из появившихся в Сибири переселенцев, представителей коренных народов, военнопленных и ссыльных. Именно они создали ту инфраструктуру, благодаря которой стала возможной крестьянская (земледельческая) колонизация.

Были среди сибирских служилых людей и вычегжане, а также их потомки. Наряду с поморскими крестьянами и промышленниками они принимали активное участие в колонизации Сибири, в сельскохозяйственном и торгово-промышленном развитии края.

Набор служилого населения в Поморье для отправки в сибирские города и остроги начал проводиться одновременно со строительством последних. В 1587 г. был основан Тобольск, столица Сибири. Для службы в новом городе решено было набрать даточных людей в поморских уездах. В тот год, согласно Вычегодско-Вымской летописи, «князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тоболск из вычегоцкие и вымские пермяки в служилые казаки пять десят и с жоны и с детми».

Подобные распоряжения правительства продолжали поступать на Вымь и позднее. Так, в 1593 было «велено отпустить от Вымскова уезду в Сибирь 60 ратных в казаки и дать им от земских людей подможных по 20 рублей»[7].

Освоившись на новом месте, служилые люди старались при первой же возможности перевезти в Сибирь своих родственников, прежде всего жен и детей, которые, лишившись кормильца, обычно владели жалкое существование и «скитались меж двор». Чаще всего такой случай представлялся тем служилым людям, которые отвозили в Москву государеву соболиную казну или ездили «на Русь» по другим поручениям. Так, например, оказались в Москве кузнецкие казаки Федор Петров и Кирилл Афанасьев. По своей челобитной (см. *Приложение*) они в 1629 г. получили разрешение вывезти в Сибирь на казенной подводе «с санми и с хомутом» своих жен из Устюга Великого и Соли Вычегодской[8].

В Тобольске были сосредоточены главные военные силы Сибири. «Оттуда отправляли служилых людей в дальние места, и редко кто-либо из них возвращался обратно. Было необходимо как-то их заменять[9]». Пополнения набирались главным образом в Поморье.

Например, в 1630 г. по указу царя Михаила Федоровича дворянину Григорию Шестакову было велено «на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской, прибрати из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тоболеск, 500 человек казаков», выдать им по подводе на человека и подорожные до Тобольска[10]. Вскоре 485 уроженцев Поморьяполнили гарнизоны сибирских городов и острогов[11].

Возможно, некоторых из тех новобранцев отправили в Томск. По крестоприводной книге 1646 г. в Томске к сословию служилых людей относилось не менее 44 поморцев. Из них 33 пеших казака, в том числе трое вычегжан, один лузянин, один уроженец Соли Вычегодской[12].

Многие сибирские казаки в 20-х годах XVII в. «служили с пашни». Например, пеший казак Субботка Михайлов Вычегжанин имел 14 четвертей пахотной земли и 7 четвертей перелогу[13]. Он был не единственным в Тюмени выходцем из Сольвычегодского уезда. В начале 60-х гг. XVII в. в Тюмени в пеших казаках служил Дружина Терентьев Вилежанин,

находясь к тому времени уже в престарелом возрасте. По этой причине им была подана челобитная царю Алексею Михайловичу об отставке от службы[14].

В те годы было принято, чтоб освободившаяся после отставки вакансия переходила к сыну служилого человека или другому его родственнику мужского пола. По-видимому, у Д.Т. Вилежанина таких родственников не было. Поэтому занять его место пешего стрельца в феврале 1665 г. изъявил желание стрелецкий сын Абрам Данилов Проскурнов[15].

В 80-х годах XVII в. в Тюмени проживали конный казак Григорий Вилежанин и стрелец Кузьма Вилежанин, которые также имели земельные наделы[16]. Вероятно, еще их отцы или деды переселились в Сибирь с Виледи.

Поморские крестьяне нередко были единственным резервом для пополнения военного контингента в регионе. Даже в конце XVII в., когда государственные указы предписывали проводить набор в служилые люди исключительно по сословно-родственному принципу, на южных рубежах Сибири продолжали «верстать» в стрельцы и казаки крестьян-переселенцев. Именно тогда стал казаком Колчеданского острога бывший крестьянин Андреевской волости Сольвычегодского уезда Симанко Иванов сын Суворков.[17].

Вслед за служилыми людьми, а иногда и впереди их, на восток шли торговые люди[18]. Русский Север в XVI-XVII вв. становится одной из самых оживленных областей России – благодаря расположению на пересечении основных торговых путей: Москва-Архангельск и Москва – В. Устюг – Соликамск – Верхотурье – Сибирь. На всем протяжении пути из Сибири на «Русь» велась оживленная торговля пушниной, что, безусловно, содействовало экономическому развитию края.

«Через Лальск проходил зимний путь из Устюга на Урал, в Сибирь. Здесь создавались промысловые и торговые артели, караваны для сибирских экспедиций с грузом заморских товаров и русских изделий»[19]. Именно эти исторические обстоятельства способствовали обогащению лальских купцов Норицына, Горяиновых, Юрьевых, Басановых, Бобровских[20]. Путь в Сибирь через Центральное Поморье был основным вплоть до открытия в 1763 г. Сибирско-Московского тракта на Екатеринбург[21].

Торговые люди способствовали вовлечению масс свободного поморского населения в промысловую деятельность за Уралом. Большая часть добываемой в Сибири пушнины скупалась крупными торговыми людьми Великого Устюга и Соли Вычегодской, которыми организовывались промышленные экспедиции за Урал[22].

В первой половине XVII в. центром сосредоточения промышленных людей и торговцев пушниной в Сибири был город Мангазея. Например, в 1631 г. сюда пришел 281 поморец. Более половины из них были выходцами из Двинского и Кеврольского уездов, остальные – из Тотемского, Устюжского, Важского и Сольвычегодского уездов[23].

Второй по значимости для государства и наиболее многочисленной категорией русского населения Сибири уже в первой половине XVII в. стали крестьяне[24]. Основным их предназначением в новых землях было выращивание хлеба для обеспечения им сибирских служилых людей. В конце XVI в. крестьяне переселялись принудительно преимущественно из Поморья.

Согласно царской грамоте 1589/90 г. к старостам, целовальникам и всем крестьянам Соли Вычегодской и всего Усольского уезда требовалось: «у Соли на посаде, и во всем Усольском уезде vybrати в Сибирь, на житье тридцать человек пашенных людей, с женами и с детьми и со всеми их животы...».

В наказе воеводы говорилось, «чтобы у каждого хозяина (переселенца) было по три мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по пять овец, да по два гуся, да по пяти кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая житейская рухлядь», а на подмогу сольвычегодские посадские и уездные люди должны были им дать по 25 рублей человеку[25], да от земских властей вдобавок к этой «подмоге» еще по 110 рублей[26]. В 1593 г. десять семей с Вычегды и Выми при переводе в Сибирь получили по 60 рублей[27].

В следующем столетии правительство переходит от принудительного перевода крестьян в Сибирь к набору «охочих людей». И опять источником людских ресурсов служит Поморье. В 1632 году в Вологде, Тотьме, Устюге Великом и Соли Вычегодской воеводы набрали для переселения в Сибирь 500 «вольных гулящих людей» и 150 «жонок и девок» пашенным крестьянам «на женитьбу»[28].

Чтобы поселиться на государственной земле и воспользоваться льготами, переселенец должен был оформить свои обязательства в особом документе – поручной[29]. Они давали возможность установить время закрепления переселенца на новом месте жительства.

В июне 1625 г. «Верхотурского города пашенные крестьяне» Аксен Артемьев, Третьяк Савельев сын Таскин, Федор Филипов сын Щапов, Терентей Григорьев сын Желобов, Шестак Андреев сын Удимцов и «тагилской пашенной крестьянин» Филипп Васильев сын Борчанин поручились по Даниле Яковлеве сыне Вычегжанине[30], обязавшемуся пахать осмину государевой пашни, «всякие поделки с пашенными крестьяне делати вместе, сено государево ставити и в поборы денги с тое пашни десятником давати с осмины» и взявшему 1,5 рубля «подможных денег».

В феврале 1626 года Третьяк Васильев сын Пинежанин и уже упоминавшийся Данило Яковлев сын Вычегжанин[31] выступают в роли поручителя «по верхотурском пашенном крестьянине по Алексею по Афонасьеве сыне»[32] взявшемуся пахать «на Туре вниз осмину государевы пашни» и получившему на подмогу 1,5 рубля.

Первые сибирские пашни в конце XVI в. заводились под стенами городов и острогов. Основным типом сельского поселения Зауралья в следующем столетии стала слобода. Она представляла собой административно-территориальную единицу, состоявшую, как правило, из нескольких деревень. Их заселением ведали слободчики, занимавшиеся поиском крестьян, желающих поселиться за Уралом.

Но в XVII веке необходимости ехать за крестьянами в Поморье уже не было, они сами в большом количестве «приходили» в Сибирь. Не были исключением и вычегжане. В 1646 г. в Новой Арамашевской слободе проживал «пашенный крестьянин» Оска Ярафеев Лабутин Вычегжанин[33]. В д. Черемисской Аятской слободы проживали крестьяне Климовых-Шаманаевы – из Соль-Вычегодского уезда[34].

Весьма многочисленной категорией русского населения Сибири были гулящие и работные люди[35]. По сохранившимся источникам не всегда возможно определить, кто из них находился здесь временно, будучи занятым на промыслах или в торговле, а затем вернулся обратно «к Руси», а кто остался здесь жить, стал сибиряком. Большие массы гулящих людей скапливались в городах на торговых путях между европейской и азиатской частями страны.

Одним из таких транзитных центров был г. Верхотурье. В крестоприводной книге Верхотурского уезда 1645/46 г. [36] (КПК) перечислено около 612 гулящих людей[37]. Из них не менее 542 человек – гулящие люди северных и северо-восточных уездов России (Поморья), в том числе 49 представителей Усоля Вычегодского и 20 вычегжан. Некоторые из них были записаны в КПК не только по месту рождения, но и по фамилии (прозвищу): Савка Шадра Вычегжанин, Мишка Пятово Уваров Соли Вычеготцкой. Подобная информация может существенно облегчить поиск родовых корней уральских первопоселенцев.

Беднота из поморских городов и деревень часто не находила работы у себя дома и поэтому уходила на заработки в Приуралье и Сибирь. Некоторых из них вербовали в Поморье сибиряки. Например, тюменский пашенный крестьянин Сила Чувашев в начале 1636 г. повез на Тюмень «своих наемных работных людей: с Устюга вдову Ульянку Михайлову дочь з детьми з двумя сыны, с Сергушкою да с Пронькою, да з дочерью с Настасьицею, да с снохою с Ульянкою. Да от Соли Вычеготцкой вдову ж Оленку Филиппьеву дочь». Интересно, что последняя обязалась «за провоз у него, Силки, живучи, работать 4 года». До того как стать работными людьми С. Чувашева эти вдовы «скитались меж двор по миру»[38].

В сибирских документах начала XVIII в. гулящие люди Поморья упоминаются намного реже, чем в предыдущем столетии. Связано это с экономическими причинами и, прежде всего, с развитием ремесла и сельского хозяйства Сибири, к тому же естественный прирост населения обеспечил этот регион своей собственной рабочей силой.

Например, в верхотурской «записной книге проезжих людей» за весь 1709 г. собственно гулящие люди упомянуты только два раза: 8 декабря проехали «из Сибири в русские города по нарымской оброчной устюжанин гулящей человек Никита Пустохин», и 14 декабря проследовали из сибирских городов с сольвычегодским торговым человеком Афанасием Ведровым «по таможенным оброчным гулящие люди Соли Вычегоцкой Иван Яковлев, лалетин Василей Гневашев, Соли Вычегоцкой Петр Козлов, Иван Суботин».

Поскольку в книге не сказано, что перечисленные люди «его, Афанасия Ведрова, работные люди», можно предполагать, что сольвычегодский купец просто предоставил гулящим людям (за определенную плату) место в своих санях. 18 февраля «из сибирских городов в русские города» проследовали Соли Вычегоцкой торговым человеком Афонасей Быковской и «двое человек работных людей Михайло Пустохин, Кирило Иванов», «пежемец торговой человек Михайло Зензинов... да работные люди Яков Лаврентьев, Петр Кирилов».

Второго декабря «ис Тоболска в русские города» проехали Соли Вычегодской торговым человеком Михайло Барсуковской и устюжанин Алексей Кочетов «да с ними четыре человека работных людей». 17 декабря из Сибири ехали 5 торговых людей Соли Вычегодской, 2 торговых человека Яренска, 1 торговец из Лальска «да работные люди Никита Новосилцов, Иван Иванов, Осип Иванов». 19 декабря «явились на Верхотурье в приезде» 2 торговых человека Соли Вычегодской, 3 торговца из Лальска «да работной человек Сава Суботин».

Тогда же «ехали из Сибири в русские города» 4 торговых человека из Лальска «да с ними работной человек», 6 торговых людей Соли Вычегодской и с ними 4 работных человека. Тогда же из Тобольска проехали 4 торговых человека из Лальска «да два человека работных людей Федор Максимов, Иван Микифоров»^[39].

Быстро развивающаяся горнорудная промышленность Урала нуждалась в большом количестве рабочих рук. Экономический гнет со стороны государства вынуждал обедневшую часть населения Поморья идти на уральские заводы, где можно было добыть средства к существованию. Кто-то приходил сюда лишь на время, чтобы потом вернуться на родину, а кто-то оставался здесь навсегда. Известно, что в 1717 г., среди рабочих Невьянского завода были выходцы из Устюжского, Важского, Вологодского, Каргопольского, Кеврольского, Архангельского, Олонецкого и Белозерского уездов, из Тотьмы и Сольвычегодска^[40].

Сибирские монастыри также привлекали для обработки своих пашен поморских крестьян^[41]. Немало выходцев из Поморья обосновалось на землях Знаменского монастыря на Иртыше близ Тобольска. За пользование землей они ежегодно платили монастырю денежный оброк. Оська Микитин сын Вычагжанин, видимо, был одним из здешних старожилов. Во-первых, на это указывает то, что в переписной книге 1684 г. он назван монастырским крестьянским сыном, а значит – уже его отец жил за монастырем. Во-вторых, ничего не сказано о родине его отца и времени его появления в монастыре. Видимо, за давностью лет эти сведения забылись, либо уже не имели значения. У Оськи Вычегжанина проживали его братья: Олешка и Петрушка. По всей вероятности, своим хозяйством они еще не обзавелись.

В той же монастырской вотчине с 1659 г. жил Ярофейко Савин сын Вычегжанин. С ним проживали три сына: Якунко 11 лет, Васька 12 лет, Федька 7 лет и брат Ивашка. Здесь же обосновался Клишко Мартынов, который родился «в уезде Соли Вычегоцкой на погосте у Спаса на Виледе, жил за великим государем во крестьянех, в Сибирь пришел и живет за монастырем со 171-го (1663) году». Через год у него здесь родился сын Васька, затем появились Куземко и Илюшко^[42].

Распространение в Зауралье оброка вызвало уход многих крестьян из Невьянского Богоявленского, Верхотурского Николаевского и других монастырей^[43]. Это заставило

монастыри перестроить свои отношения с крестьянами и перейти к взиманию в качестве натурального оброка «пятого снопа». Возможно, благодаря введению натурального оброка на землях Невьянского Богоявленского монастыря в середине XVII в. охотно селились приходцы из европейской России, главным образом из северных и северо-восточных уездов. В 15 из 17 монастырских порядных 1653-1657 гг. фигурируют уроженцы Поморья, в том числе двое вычегжан[44].

Принимали людей, пришедших «с Руси», и другие монастыри. Например, между переписями 1662 и 1668 г. крестьянином тюменского Преображенского монастыря стал Сенка Петров Вычагжанин[45]. Большинство монастырских крестьян отмечены в росписи без указания их родины, поэтому число поморцев поселившихся за монастырем вряд ли исчислялось единицами.

Льготы, предоставляемые крестьянам монастырями, нередко были меньше льгот, предлагаемых в казенных слободах, но зато и повинности были меньше. Поэтому обещание монастыря «от всяких государевых зделий и от оброков и от всякого насильства ... обороняти» не было пустой фразой. В силу этого устроительная деятельность монастырей была небезуспешной и шла вразрез с государственными интересами, состоявшими в расширении десятинной пашни. Проведенная в 1680 г. перепись вотчин Далматовского монастыря показала, что на Исеть в XVII в. переселялись выходцы из Северного Поморья, Перми, Вятки, Западного Урала, Верхнего и Среднего Поволжья, в меньшей степени из Центральной России[46]. Среди вкладчиков и крестьян этого монастыря были выходцы с Вычегды и других северных земель[47].

Активизация миграционных процессов в Поморье и Сибири в XVII – начале XVIII века обусловлена не только климатическими, социально-экономическими и политическими причинами. Было бы ошибкой не принимать во внимание духовные потребности людей того времени. А между тем с ними связаны довольно масштабные перемещения людей из одной части страны в другую[48]. И хотя эти передвижения осуществлялись не с целью переселения на новое место жительства, они, все же, способствовали оживлению транспортной инфраструктуры и получению разнообразной информации о жизни в других регионах страны.

Как только на Урале или в Сибири появлялась какая-то новая святыня, к ней вскоре направлялись богомольцы со всей страны с надеждой об исцелении разнообразных недугов. «Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» (список 1641/42 г.)[49] рассказывает о 104 случаях чудесного исцеления богомольцев. Столь большое число исцелений свершилось всего лишь за пять лет. Поэтому не случайно, что слава о чудотворной Абалацкой иконе очень скоро вышла за пределы Сибири. До 1641/42 г. чудесное исцеление на Абалаке получили не менее 13 выходцев с Русского Севера и сибиряков с поморскими корнями. Один из них, Григорий, «от простых поселян пришелец бысть от некоего града Усолия Вычегоцкого... обьят бысть трясавицею... И пребысть в толицем недуже семь недель». Зная о чудотворной иконе, исцелившей многих верующих людей, он тоже помолился Богородице и дал обет побывать на Абалаке, после чего сразу же «от оныя трясавицы свободися».

Поморцы отправлялись к чудотворной иконе и позднее, в начале XVIII века. Так, в феврале 1709 года в Тобольский уезд, на Абалак, «пресвятыя Богородице по обещанию молитца» ездил Еренского уезда Ибской волости поп Яков Дорофеев с сыном Григорьем. С теми же целями туда же в мае ездил «сысолец, Зеленецкой волости крестьянин», Ярафий Калинин сын Черенкутов, а в декабре приходили Луской Пермцы Обячевской волости «пахотные крестьяне» Агапит Андреев Изеговых и Василий Павлов Изеговых, а так же «Соли Вычегоцкой уезду из Лоемской Волости крестьянской сын» Иван Яковлев Ериловых, той же волости крестьянские дети Алексей Семенов, Иван Андреев Пантелеевых, Степан Афонасьев Исаковых и Иван Смалевых[50].

Представленным материалом не исчерпывается тема связей Сольвычегодского уезда и Сибири. Но даже он ясно свидетельствует, что вычегжане приняли активное участие в

освоении Сибири. Многие их потомки считают себя коренными сибиряками, не задумываясь о том, откуда именно пришли в Сибирь их предки. Настало время и северянам и сибирякам объединить усилия и лучше узнать свою семейную историю. Возможно, тогда нам станет ближе и понятней история России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ноябрь 1629 г.

Челобитная конных казаков Кузнецкого острога
Ф. Петрова и К. Афанасьева о вывозе их жен
с Устюга Великого и из Соли Вычегодской
на казенных подводках

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои ис Сибири Кузнецкого острогу конные казачишка Фетка Петров, Кирилко Офанасьев. Присланы мы, холопи твои, к тебе, государю, к Москве, с твоею, государевою, соболиною казною. И у меня, государь, у Фетки, женишко мое прямая подвенешная на Устюге Великом а у меня, государь, Кирилка ж[енишко] мое у Соли Вычегодской. А нам, государь, холопом твоим, в Кузнецком остроге без жен жить не мошно. Милосердый царь государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, смилуйся, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам женишка свои вести на тех же своих подводках. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

(РГАДА, ф. 214, ст. 10, л. 121)

[1] О сибирских фамилиях см.: Мосин А.Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001.

[2] См. об этом: Добрыднев В.А. Родная среда как фактор адаптации переселенцев из Поморья в Западной Сибири (кон. XVI – нач. XVIII вв.) // Народные культуры Европейского Севера. Сборник статей республиканской научной конференции (Архангельск 15-16 октября 2007 г.). Изд. ПГУ, Архангельск. 2008.

[3] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). ф. 214. Ст. 878. Лл .11, 13-17, 25 и др.

[4] Вместе с тем, не следует исключать и вероятность подкупа должностных лиц, выдававших проезжие грамоты.

[5] Конные и пешие казаки, стрельцы, пушкари, воротники и др.

[6] См. о служилых людях: Добрыднев В.А. Уроженцы Поморья на государевой службе в Западной Сибири (конец XVI-XVII вв.) // Защитники Отечества. Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. С. 77-84.

[7] Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. IV. С. 267.

[8] РГАДА. Ф. 214. Ст. 10. Л. 122.

[9] Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. С. 86.

[10] Там же. Приложения. № 284.

[11] Александров В. А. Русское население Сибири XVII-начала XVIII в. (Енисейский край). М. 1964. С. 155.

[12] РГАДА. Ф. 214. №204. Л. 1-51.

[13] Красильникова Э. Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI-XVII вв. // Вопросы истории Коми АССР (XVII — нач. XX века). Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, №16, Сыктывкар, 1975. С. 31.

- [14] Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (далее СПбФ ИРИ РАН). Ф. 187. Оп.1. № 203.
- [15] СПбФ ИРИ РАН. Ф. 187. № 242.
- [16] Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII-начале XVIII веков. М.-Л., 1946. С. 64.
- [17] Зенкова Л.В. Источники по истории народонаселения Каменского района и Каменского завода конца XVII – первой четверти XVIII веков // Материалы 1-й Уральской родоведческой научно-практической конференции (15-16 ноября 2001 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2003. С. 61-62.
- [18] Подробнее см.: Добрыднев В.А. Торговые люди Поморья и колонизация Западной Сибири в конце XVI – начале XVIII века // XIV международные Ломоносовские чтения. Сборник научных трудов. Архангельск, 2002. С. 107-114.
- [19] Трофимов П. М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961. С. 30, 45-46.
- [20] Колесников П. А. Северная деревня в XV-первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, СЗКИ, 1976. С. 160-161.
- [21] Там же. С. 53.
- [22] Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952—1959., т. 3, ч. 1, стр. 198.
- [23] Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 143-144.
- [24] См. о крестьянах: Добрыднев В.А. Поморские крестьяне – родоначальники знаменитых уральских фамилий // Знаменитые люди Севера: от М.В. Ломоносова до наших дней: материалы международной научной конференции, посвященной 295-летию со дня рождения великого русского ученого М.В. Ломоносова (1711-1765 гг.), 31 окт. – 2 нояб. 2006 г. / Отв. ред. В.А. Любимов: Архангельск: Архангельский центр Русского географического общества: Архангельский областной краеведческий музей, 2006 г.
- [25] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. I. СПб, 1836. № 349. С. 422-423.
- [26] Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 39-44; Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» // Русское население Поморья и Сибири: (Период феодализма). М., 1973. С. 42-43; Павлов Н. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 206-207; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 101; Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 102-103.
- [27] Там же.
- [28] Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. М., «Морской транспорт», 1956. Т. I. С. 137.
- [29] Подробнее см.: Добрыднев В.А. Поручные верхотурских новопашенных крестьян 20-х – 30-х годов XVII века // Уральский родовед. Вып. 6. Екатеринбург. УИРО, 2002. С. 74-80.
- [30] СПбФ ИРИ РАН, ф. 28, оп. 1, №116, л. 5.
- [31] В 1645 г. Д. Я. Вычегжанин перечислен среди подгородных пашенных крестьян (РГАДА, ф. 214, оп. 1, №194, л. 18).
- [32] Там же, №163, л. 1.
- [33] РГАДА, ф. 214, оп. 1, №194, л.1-121.
- [34] Коновалов Ю.В. Предыстория и ранняя история села Черемисского (Режевский район Свердловской области) // Уральский родовед. Сборник статей. Вып. 6. Екатеринбург: Уральское историко-родословное общество, 2002. С. 86-88.

[35] См. о гулящих людях: Добрыднев В.А. Гулящие люди Поморья в Западной Сибири // Генеалогия на Русском Севере: История и современность: Сборник статей / Сост. и отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 2003. С. 77-88.

[35] Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. II, с. 74.

[36] РГАДА, ф. 214, оп. 1, №194, л.1-121.

[37] По подсчетам П. Н. Буцинского (Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, с. 231) – 617 человек.

[38] Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. М., «Наука», 1972. С. 298-299.

[39] РГАДА, кн. 1509, л. 86, 89, 19 об., 81 об., 90, 91, 91 об.

[40] Трофимов П. М. Указ. соч. С. 240.

[41] См. об этом: Добрыднев В.А. Монастыри Зауралья и поморские крестьяне // Архиепископ Афансий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII-XX вв.): материалы III Афанасьевских чтений (с. Холмогоры, 9 сентября 2006 г.) / сост. Л.Д. Попова, В.Н. Булатов; под общ. ред. Л.Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 21-31.

[42] Вотчины Тобольского Софийского Дома в XVII в. Тюмень, 2001. С. 21-22.

[43] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. № 148. С. 239-240.

[44] Преображенский А. А. Указ. соч. С. 179-183.

[45] РГАДА. Ф. 214. Ст. 794. Л. 86.

[46] Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1860. Ч. 8. С. 107.

[47] Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской церкви в конце XVII века: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 10.

[48] О духовных связях Русского Севера и Сибири см.: Добрыднев В.А. Духовные связи Поморья и Сибири в XVII – XVIII веках // Свеча – 2003. Истоки: Толерантность в религии и культуре. В 2 т. Т. 1. Религия и наука в диалоге. Сб. материалов международной конференции / Ред. Е.И. Аринин. Владимир: Владимирский государственный университет, 2003; Он же. Духовенство Русского Севера на Урале и в Западной Сибири (XVII- начало XVIII в.) // Русский Север и архиепископ Афанасий: сборник научных статей / Сост. и отв. ред. В.Н. Булатов, Л.Д. Попова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2003; Он же. Тюмень – родина Афанасия // Архиепископ Афансий и религиозно-культурное пространство Нижнего Подвинья (конец XVII-XX вв.): материалы III Афанасьевских чтений (с. Холмогоры, 9 сентября 2006 г.) / сост. Л.Д. Попова, В.Н. Булатов; под общ. ред. Л.Д. Поповой. Архангельск, 2008. С. 7-21;

[49] Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 85-369.

[50] РГАДА, ф. 214, №1509, л. 15, 48, 88.